

Психологические науки

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПРЕОДОЛЕНИИ СТРЕССА

Н. В. Родина. Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
(Одесса, Украина), e-mail: nvrodina@mail.ru

Резюме. Выборку исследования составили 320 абитуриентов высших учебных заведений г. Одессы в период вступительных экзаменов (28,7% мужского пола и 71,3% – женского; средний возраст – 18,1 лет). Женщин по сравнению с мужчинами характеризовали высокие значения по трем шкалами опросника WOCQ: фокусирование на позитиве ($F = 3,777$; $p = 0,050$; $\eta^2 = 0,012$), принятие желаемого за действительное ($F = 14,350$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,043$) и поиск социальной поддержки ($F = 3,783$; $p = 0,050$; $\eta^2 = 0,012$). Определен набор из 15 утверждений WOCQ, который описывал поведенческие акты характерные в ситуациях угрозы самоактуализации именно для женщин. Построенная на его основе шкала фемининной гендерной роли копинга характеризовалась высокой надежностью по внутренней согласованности ($\alpha = 0,780$). Определяются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: гендер, копинг, стресс, ситуации угрозы самоактуализации, шкала фемининной гендерной роли копинга, психометрическая адаптация.

Постановка проблемы. Специфика современного украинского общества характеризуется активными трансформациями идентичностей его представителей: идентичности политической, культурной, профессиональной и так далее. В последнее время в нашей стране наблюдается возрастающий интерес к исследованиям гендерной идентичности, постоянно увеличивается количество издаваемой литературы, которая разносторонне освещает соответствующий комплекс

вопросов.

Гендерная идентичность – осознание личностью своей связи с культурными определениями мужественности и женственности [2]; принадлежности к той или иной социальной группе на основе полового признака [5]. Иногда в понятие гендерной идентичности включают аспект, связанный с психосексуальным развитием и формированием сексуальных предпочтений [11].

Однако наиболее общее определение гендерной идентичности связано с тем, что ее понимают как результат отождествления личностью себя с определенным полом, отношения к себе как к представителю определенного пола, освоением соответствующих ему форм, стиля поведения и формированием личностных характеристик. При всем многообразии компонентов, которые могут быть включены в структуру гендерной идентичности, наиболее часто повторяются два компонента: биологический пол (мужчина/женщина) и маскулинность/фемининность как конструкты культуры и интериоризованные психологические черты [8].

Сложность изучения особенностей маскулинности/фемининности, как, впрочем, и других компонентов гендерной идентичности личности, связана с тем, что существовавшие ранее традиционные образцы маскулинности/фемининности в современных условиях во многом изменились и продолжают меняться. Отсюда возникает проблема исследования, связанная с тем, что еще недостаточно изучены взаимосвязи гендерной идентичности личности и особенностей преодоления стресса.

Анализ последних исследований и публикаций. В литературе по копингу до сегодняшнего момента нет единой точки зрения на проблему существования определенных гендерных различий в способах преодоления. Так, автор транзакционной теории стресса Р.С. Лазарус считал, что между мужчинами и женщинами отсутствуют устоявшиеся разногласия в копинг-стратегиях [12]. Но во многих научных трудах по вопросу поведения преодоления отмечается, что на выбор копинг-стратегии в сложной жизненной ситуации оказывают влияние полоролевые стереотипы. Так, С.К. Нартова-Бочавер отмечает, что женщины (и фемининные мужчины) склонны к эмоциональной реакции на проблему, а мужчины (и маскулинные женщины) выбирают

«инструментальные» методы путем перевоплощения внешней ситуации [3]. Также подчеркивается склонность мужчин к проблемно-ориентированному копингу [10].

В исследовании, проведенном С.А. Хазовой, рассматривалась способность женщин и мужчин к адаптации в изменяющихся условиях. При этом было обнаружено, что женщины имеют более широкую норму реакции и могут сочетать в своем поведении несколько стратегий, гибко используя их в зависимости от ситуации. Мужчины в конфликтных и стрессовых ситуациях демонстрируют большую ригидность, их поведение является «более специализированным» и носит более усеченный характер [9].

А.Е. Самарой были обоснованы существующие различия и сходства в поведении преодоления у мужчин и женщин, работающих в МЧС. У мужчин структура копинга преимущественно базируется на планировании решения проблемы, поиска социальной поддержки и положительной переоценке стрессовой ситуации, в то время как у женщин – на планировании решения проблемы, самоконтроле и положительной переоценке [4].

Однако в научной литературе остается еще недостаточно выясненным, как проявляются гендерные различия копинга в определенных стрессовых ситуациях, в том числе в ситуациях угрозы самоактуализации. Поэтому целью исследования было изучение взаимосвязей между полоролевой идентификацией личности и особенностями преодоления стресса в ситуациях угрозы самоактуализации, а также создание психометрического инструментария для измерения гендерных ролей копинга.

Основной материал исследования. Выборку исследования составили 320 абитуриентов одесских вузов, которые исследовались во время вступительных экзаменов. По гендерному признаку респонденты распределялись следующим образом: 28,7% мужского пола и 71,3% – женского. Средний возраст исследованных составлял 18,1 лет. В процессе проведения исследования был использован целый ряд психодиагностических методик.

1. Опросник ММИЛ – Методика многостороннего исследования личности, в частности четвертой шкалы, которая называется «Реализация

эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» (аналог шкалы Pd в опроснике ММПИ) и пятой шкалы выразительности мужских и женских черт характера (аналог шкалы Mf в опроснике ММПИ). Выбор этих показателей продиктован тем, что они тесно связаны друг с другом и характеризуют полоролевую идентичность личности [1].

2. Версия методики WOCQ, опросник способов преодоления, для ситуаций угрозы самоактуализации, содержащая следующие шкалы: фокусировка на позитиве (ФП), принятие желаемого за действительное (ПБД), поиск социальной поддержки (ПСП), самообвинения (СЗ), решение проблемы (ОП), поведенческая разрядка (ПР), отстраненность (В), а также анализ проблемы [6].

На первом этапе исследования с помощью однофакторного дисперсионного анализа сравнивались показатели полоролевой идентичности и копинг-стратегий в группах мужчин и женщин. Для четвертой шкалы гендерные различия были статистически значимыми ($F = 14,104$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,044$). Средние значения Т-баллов в группе мужчин были выше ($M = 55,750$, $SD = 11,441$), чем среди женщин ($M = 50,932$, $SD = 9,632$). Это указывает на то, что для исследованных мужчин в большей степени характерны именно маскулинные тенденции проявления и реагирования. В соответствии с психологическими исследованиями Ф.Б. Березина, М.П. Мирошникова, Р.В. Рожанца [6], в выборке исследованных четвертая шкала в рамках повышения до 70 Т-баллов описывает стенический тип реагирования на стрессовые раздражители.

Для пятой шкалы статистически значимых различий между абитуриентами женского и мужского пола не выявлено ($F = 0,263$; $p = 0,608$; $\eta^2 = 0,001$). Средние значения Т-баллов в группе мужчин ($M = 54,420$, $SD = 13,893$) были примерно на таком же уровне, как и в группе женщин ($M = 55,186$, $SD = 10,912$). Как известно, в опроснике ММИЛ пятая шкала по-разному интерпретируется в зависимости от пола испытуемого. Повышенные показатели по этой шкале в любом профиле означают отклонение от типичного для данного полоролевого поведения и усложнение сексуальной адаптации. В целом интерпретация носит полярный характер в зависимости от того, женский или мужской профиль подлежит расшифровке [6].

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что в обеих группах

не наблюдается отчетливого отклонения от полоролевых стереотипов поведения, однако, ориентируясь на значение стандартного отклонения, можно отметить, что как среди мужчин, так и среди женщин присутствует незначительное количество индивидов с отчетливо феминным или определенно маскулинным поведением.

Сравнение показателей копинг-стратегий у абитуриентов мужского и женского пола позволило выявить некоторые тенденции. Так, относительно первой шкалы ФП опросника WOCQ были установлены статистически значимые различия между группами ($F = 3,777$; $p = 0,050$; $\eta^2 = 0,012$). Следует обратить внимание на то, что женщины ($M = 61,940$ $SD = 22,755$) активно используют эту стратегию по сравнению с мужчинами ($M = 56,643$, $SD = 21,785$). Помимо этого, для женского стиля преодоления стресса свойственны попытки сформировать позитивный взгляд на стрессовую ситуацию, поиск возможностей для личностного роста, преобразований и творческого развития.

Следующая шкала методики – ПБД также успешно позволяла дифференцировать мужчин и женщин ($F = 14,350$; $p < 0,001$; $\eta^2 = 0,043$). Средний уровень по этой шкале был выше у женщин ($M = 45,234$, $SD = 20,836$), чем у мужчин ($M = 35,616$, $SD = 19,840$). Соответственно, феминный стиль реагирования на стресс также реализуется в виде попыток изменить взгляд на реальность путем фантазийного отреагирования. Вместо того, чтобы ориентироваться на реальность, женщины формируют собственные представления о ней, тем самым искажая степень ее угрозы.

Третья шкала WOCQ – ПСП также обнаружила гендерные различия ($F = 3,783$; $p = 0,050$; $\eta^2 = 0,012$). К поиску социальной поддержки в ситуациях угрозы самоактуализации более склонны женщины ($M = 40,787$; $SD = 24,140$), чем мужчины ($M = 46,324$, $SD = 23,502$). То есть, более свойственны именно для женщин попытки найти в стрессовой ситуации информационную, материальную и эмоциональную поддержку. Они более склонны к зависимому и пассивному поведению.

Другие шкалы методики не обнаружили гендерных различий – результаты однофакторного дисперсионного анализа для этих шкал были следующими: шкала самообвинения ($F = 0,727$; $p = 0,395$; $\eta^2 = 0,002$); шкала решения проблемы ($F = 3,330$; $p = 0,069$; $\eta^2 = 0,010$); шкала

поведенческой разрядки ($F = 0,003$; $p = 0,954$; $\eta^2 = 0,000$); шкала отстраненности ($F = 0,393$; $p = 0,531$; $\eta^2 = 0,001$) и шкала анализа проблемы ($F = 0,516$; $p = 0,473$; $\eta^2 = 0,002$).

Что касается показателей опросника WOCQ, которые описывают категории более высокого порядка, то нами были выявлены следующие закономерности. Активность копинга, требующего усилий, в группе мужчин ($M = 0,006$, $SD = 1,014$) почти отвечала выразительности усилий по преодолению у женщин ($M = -0,002$, $SD = 0,997$). Статистически значимые различия между этими гендерными группами отсутствовали ($F = 0,004$; $p = 0,950$; $\eta^2 = 0,000$). Наоборот, копинг, избегающий, обнаружил существенные гендерные различия ($F = 5,290$; $p = 0,022$; $\eta^2 = 0,016$).

Абитуриенты женского пола в ситуациях угрозы самоактуализации активно привлекают стратегии избегания ($M = 0,081$, $SD = 0,990$), чем мужчины ($M = -0,201$, $SD = 1,000$). Соответственно, женщины и мужчины почти одинаково интенсивно применяют волевые акты в качестве ответа на воздействие стрессора, тогда как абитуриенты женского пола предпочитают преодоление, которое позволяет уйти от взаимодействия со стрессором.

Второй этап исследования связан с исследованием взаимосвязей между показателями полоролевой идентичности личности. Рассматривались отдельно группы мужчин и женщин, при этом использовался корреляционный анализ по Пирсону. Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 1.

Как свидетельствуют показатели данной таблицы, в группе абитуриентов мужского пола обнаружено лишь одну статистически значимую корреляцию – между параметром фокусировки на позитиве и пятой шкалой ($r = 0,223$).

Полученный коэффициент корреляции свидетельствовал о положительной связи между этими конструктами: то есть, более фемининные мужчины склонны были искать положительные стороны в стрессовой ситуации угрозы самоактуализации – соответственно среди мужчин использование такой копинг стратегии является проявлением определенной андрогинности. То есть шкала ФП отражает не только биологически обусловленные, но и гендерно-ролевые различия в преодолении стресса, связанного с полом.

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции между показателями поло-ролевой
идентичности абитуриентов и их копинг-стратегиями

Копинг-стратегии		Мужчины		Женщины	
		Pd	Mf	Pd	Mf
ФП	r	0,018	0,223*	-0,058	-0,098
	p	0,865	0,037	0,388	0,146
ПБД	r	0,001	0,046	0,048	0,027
	p	0,991	0,673	0,477	0,688
ПСП	r	0,085	0,030	-0,002	-0,152*
	p	0,428	0,778	0,977	0,024
СЗ	r	-0,028	-0,027	0,162*	0,096
	p	0,795	0,800	0,016	0,158
ВП	r	-0,141	0,003	-0,135*	0,031
	p	0,191	0,975	0,045	0,651
ПР	r	0,125	0,061	0,078	0,112
	p	0,245	0,571	0,246	0,099
В	r	0,109	0,162	-0,001	0,115
	p	0,314	0,132	0,988	0,088
АП	r	-0,155	0,062	-0,138*	0,015
	p	0,149	0,565	0,041	0,821

Примечание: выделены статистически значимые коэффициенты: значком * - на уровне $p < 0,05$.

В группе абитуриентов женского пола обнаружена статистически значимая корреляция между шкалой ПСП опросника WOCQ и пятой шкалой ММИЛ. Коэффициент корреляции был отрицательным ($r = -0,152$), что свидетельствует о склонности более маскулиных женщин отказываться от поиска поддержки со стороны социальной среды. Исходя из этого, среди женщин использование такой копинг стратегии соответствует их женской полоролевой позиции в социальном аспекте. Значит, у женщин признаком андрогинности являются низкие значения по шкале ПСП. Также следует добавить, что поиск социальной поддержки является маркером не только биологически обусловленных, но и социально-ролевых различий между мужчинами и женщинами.

Заслуживает внимания тот факт, что в группе женщин обнаружены статистически значимые корреляции между четвертой шкалой опросника ММИЛ и некоторыми копинг-стратегиями. Так, положительный статистически значимый коэффициент описывал взаимозависимость между реализацией эмоциональной напряженности в непосредственном поведении и самообвинением ($r = 0,162$). Из этого следует, что чем больше женщины проявляют слабость контроля над импульсами, тем больше они обнаруживают склонность к постоянному переосмыслению повторных неудач, а их отношения в межличностном окружении приобретают конфронтационный характер. Ситуация кризиса воспринимается ими как угрожающая и приводит к негативному восприятию собственной роли в ней. Эта направленность на самообвинение в стрессовых ситуациях у импульсивных женщин объясняется тем, что отреагирование тревоги на поведенческом уровне стереотипно воспринимается как характерное именно для мужчин, потому у женщин и возникает ролевой конфликт.

Отрицательные статистически значимые коэффициенты корреляции обнаружены для четвертой шкалы и таких шкал опросника WOCQ, как ОП ($r = -0,135$) и АП ($r = -0,138$). Обе описанные копинг-стратегии характеризуют усилия, предпринимаемые индивидом для анализа и поиска решения стрессовой ситуации, последовательно проявляя когнитивные усилия, используя накопленный опыт и противодействуя трудностям. Внимание фокусируется на ситуации угрозы самоактуализации.

Полученные в ходе исследования данные доказывают следующее:

у женщин способность к контролю собственных импульсов способствует формированию проблемно-ориентированного копинга. И наоборот – ослабление функции контроля над формой реализации побуждений является фактором, который дезорганизует планомерный анализ и решение ситуаций угрозы самоактуализации. Следует отметить, что и в группе мужчин, и в группе женщин статистически значимых ($p < 0,05$) корреляций между показателями полоролевой идентичности и категориями копинга высшего порядка не выявлено.

Следовательно, данный анализ позволил выявить социально-ролевые корреляты копинга в гендерном аспекте. Однако остается открытым вопрос, какие именно парциальные поведенческие акты преодоления характерны для мужчин и женщин в ситуациях угрозы самоактуализации. Для этого на третьем этапе исследования нами были рассмотрены взаимосвязи между ответами на отдельные утверждения опросника WOCQ, описывающие парциальные поведенческие копинг-акты и пол исследованных. В качестве показателя связи между переменными использовался критерий d Сомерса.

Результаты анализа приведены в таблице 2, где оставлены лишь статистически значимые взаимосвязи ($p < 0,05$), а пункты опросника отсортированы по абсолютному значению.

Положительный знак статистического критерия d свидетельствует о том, что указанный поведенческий акт в большей степени присущ женщинам, отрицательный знак – мужчинам. Очевидно, что набор этих поведенческих реакций характеризует стиль женского/мужского поведения по преодолению стресса в ситуациях угрозы самоактуализации. Представляется возможным на основе этого перечня утверждений опросника WOCQ сформировать шкалу или несколько шкал, которые могут выступить в качестве валидного психометрического инструмента для измерения гендерных ролей копинга.

Следует отметить, что проведенный эксплораторно-факторный анализ – метод наибольшего правдоподобия – показал, что по критерию каменистой осыпи наиболее адекватным является именно однофакторное решение. Надежность по внутренней согласованности для набора из 17 пунктов (для двух пунктов с отрицательным значением критерия d Сомерса использовался обратной ключ) была достаточно высокой:

коэффициент α Кронбаха составил 0,699. Однако дальнейший анализ показал, что удаление пунктов 26 и 48 позволил значительно повысить надежность по внутренней согласованности итоговой шкалы ($\alpha = 0,780$). Дальнейшее удаление пунктов из шкалы не приводило к повышению коэффициента α Кронбаха.

Таблица 2.

Взаимосвязи между полом исследованных и отдельными поведенческими актами преодоления ситуаций угрозы самоактуализации

Пункт опросника WOCQ	d
60. Я молил Бога о помощи	0,258
27. Я хотел чего-то красивого	0,224
59. Я фантазировал и мечтал, как могло бы все измениться	0,235
26. Я составил план действий и следовал ему	-0,208
45. Я поделился с ... (кем-то) своими переживаниями	0,200
38. Благодаря этой ситуации я понял, что является по-настоящему важным в жизни	0,193
48. Я использовал опыт, полученный мной ранее в похожих ситуациях	-0,191
19. Я утешал и подбадривал себя, как мог	0,181
32. Я подумал: что ни делается – все к лучшему	0,176
18. Я искал сочувствия и поддержки от кого-либо	0,173
3. Я занялся работой (или чем-то еще), чтобы отвлечься от этой проблемы	0,174
11. Я надуюсь на чудо	0,164
42. Я попросил совет у родственника или друга, мнение которого я очень уважаю	0,163
58. Мне хотелось, чтобы проблема исчезла или решилась сама по себе	0,157
56. Благодаря этой ситуации, что-то во мне изменилось к лучшему	0,145
57. Я мечтал о том, как хорошо было бы оказаться в другом времени или месте	0,137
51. Я обещал себе, что в следующий раз все будет по-другому	0,135

Таким образом, сформированный набор из 15 утверждений

опросника WOCQ описывал поведенческие акты характерные в ситуациях угрозы самоактуализации именно для женщин. Поэтому сформированная шкала получила название шкалы феминной гендерной роли копинга. В состав этой шкалы были включены пункты из разных шкал версии методики WOCQ для ситуаций угрозы самоактуализации. Таблица 3.

Таблица 3.

Совпадение пунктов-утверждений шкалы феминной гендерной роли копинга со шкалами исходной версии WOCQ

Типы копинга							
Копинг, который требует усилий				Копинг, который избегает			
Копинг-стратегии							
ФП	ПСП	ВП	ПР	АП	ПБД	СЗ	В
Отдельные акты преодоления							
32, 38, 56	18, 42, 45				11, 19, 57, 58, 59, 60	51	

Данные таблицы, полученные в ходе эксперимента, представляют собой иерархическую структуру феминного стиля копинг-поведения в ситуациях угрозы самоактуализации. Семь поведенческих актов касались избегающего типа копинга (шесть пунктов – к шкале ПБД, один пункт – к шкале СО); шесть поведенческих актов касались копинга, который требует усилий (шесть пунктов – к шкале ФП, один пункт – к шкале ПСП). Пункты 27 и 3 не связаны ни к одной шкалой. Таким образом, феминная гендерная роль копинга ориентируется на такие стратегии, как фокусировка на позитиве, принятии желаемого за действительное, поиске социальной поддержки и самообвинения.

Эта шкала успешно дифференцирует мужчин и женщин. Средние

показатели по суммарному баллу по шкале феминные гендерной роли копинга в группе абитуриентов мужского пола ($M = 19,044$, $SD = 7,788$) были значительно ниже, чем у абитуриентов женского пола ($M = 24,425$, $SD = 7,265$). Также выявлено отсутствие статистически значимых корреляций между суммарным баллом по шкале феминной гендерной роли копинга с четвертой и пятой шкалами опросника ММИЛ как в группе мужчин, так и в группе женщин. Это свидетельствует о неспособности показателей опросника ММИЛ, характеризующих полоролевую идентичность личности, выявлять гендерные роли в поведении преодоления.

Выводы. Для феминного стиля преодоления стресса свойственны попытки сформировать позитивный взгляд на стрессовую ситуацию, поиск возможностей для личностного роста, изменения взгляда на реальность путем фантазийного отреагирования, поиск в стрессовой ситуации информационной, материальной и эмоциональной поддержки. Для исследованных мужчин в большей степени характерны именно маскулинные тенденции реагирования. Женщины и мужчины почти одинаково интенсивно применяют волевые акты в качестве ответа на действие стрессора, но абитуриенты женского пола предпочитают преодоление, которое позволяет им уйти от взаимодействия со стрессором. Определенный набор из 15 утверждений опросника WOCQ описывал поведенческие акты характерные в ситуациях угрозы самоактуализации именно для женщин. Построенная на его основе шкала феминной гендерной роли копинга характеризовалась высокой надежностью внутренней согласованности ($\alpha = 0,780$).

Мы считаем, что будущие исследования полоролевой идентичности личности и особенностей преодоления стресса должны касаться других стрессовых ситуаций. Дальнейшие исследования полоролевой идентичности личности и особенности преодоления стресса имеют значительные перспективы в семейной психологии. Следует отметить, что в своей работе [7] мы рассматриваем взаимодействие между партнерами в семейных отношениях как системный процесс, детерминированный использованием копинг-стратегий, механизмов психологических защит и структуры личности.

Литература:

1. Березин Ф. Б. Методика многостороннего исследования личности / Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец. – М.: Медицина. – 1976. – 176 с.
2. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство / О.А. Воронина. – М.: УРСС, 2004. – 319 с.
3. Нартова-Бочавер С.К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности / С.К. Нартова-Бочавер. // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 5. – С. 20–30.
4. Самара О.Е. Особенности копинг-стратегий у работников МЧС в связи с гендерной принадлежностью / О.Е. Самара. // Медицинская психология. – 2009. – №2–3. – С. 115–119.
5. Радина Н.В. Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков / Н.В. Радина, Е.Ю. Терешенкова. // Вопросы психологии. – 2006. – № 5. – С. 49–59.
6. Родіна Н.В. Опитувальник WOCQ в адаптації С.І. Хаїрової. Психометричний аналіз і альтернативна факторна модель / Н.В. Родіна. // Актуальні проблеми психології. – 2010. – Т.12. – В. 10, – Ч. 2. – С. 340–350.
7. Родіна Н.В. Психодинамічні аспекти теорії В. Шутца: проблема міжособистісних потреб в ситуації внутрішньосімейної взаємодії / Н.В. Родіна, О.М. Сухоребра // Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки: зб. наук. пр. / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка; редкол.: В.І. Судаков (та ін.). – К.: Логос, 2011. – Т. 3. – С. 104–114.
8. Рымарев Н.Ю. Личностные особенности подростков с различной гендерной идентичностью / Н.Ю. Рымарев: автореф. дис.: 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии. – Краснодар: КГУ, 2006. – 22 с.
9. Хазова С.А. Пол, гендер и совладание с трудностями / С.А. Хазова. // Гендерные основания механизмов и профилактики девиантного поведения личности и малых групп в ХХ1 веке: Материалы международного

симпозиума, Кострома, 27–28 октября 2005 г. / Отв. ред. Н.П. Фетискин, А.Л. Журавлев.– М.–Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 393–395.

10. Brems C, Johnson ME. Problem-solving appraisal and coping style: The influence of sex-role orientation and gender / C. Brems, M.E. Johnson. // J. Psychol. – 1989. – №123(1). – P. 87–94.

11. Gagnon J. The Social Psychology of Sexual Development / J. Gagnon, B. Henderson. // Family in Transition, Toronto: Little, Brown and Company, 1977. – 116 p.

12. Lazarus R.S. From psychological stress to the emotions: A history of changing outlooks / R.S. Lazarus. // Annu Rev Psychol. – 1993. – № 44. – P. 1–21.

— ● —

Rodina N.V. Osobennosti gendernoj identichnosti lichnosti v preodolenii stressa / N.V. Rodina // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4

— ● —

Abstract. Study sample consisted of 320 students from Odessa universities, which were investigated during entrance exams (28.7% male and 71.3% – female; average age – 18.1 years). In comparison with men women was characterized by high values for the three scales of WOCQ: Focusing on the positive ($F = 3.777$; $p = .050$; $\eta^2 = .012$), Wishful thinking ($F = 14.350$; $p < .001$; $\eta^2 = .043$) and Seeking social support ($F = 3.783$; $p = .050$; $\eta^2 = .012$). The set of 15 statements WOCQ describing the behavioral acts characteristic of women in situations of the threat to self-actualization was defined. The feminine gender role coping scale based on this set characterized by high reliability internal consistency ($\alpha = 0,780$). The prospects for further research were outlined.

Keywords: gender, coping, threat to self-actualization situations, feminine gender role coping scale, psychometric adaptation.

— ● —

Сведения об авторе

Наталья Владимировна **Родина**, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и прикладной психологии, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова (Одесса, Украина),

© Н.В. Родина, 2015.

© «PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.

Подписано в печать 04.12.2015.